

РАЗДЕЛ I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(481)“12/13”

Лукьянов К.А.

Московский городской педагогический университет

ИЗМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В НОРВЕГИИ XII-XIII вв.

K. Lukianov

Moscow City Pedagogical University

CHANGE OF METHODS IN STRUGGLE FOR POWER IN NORWAY OF THE XII-XIIITH CENTURIES

Аннотация. В статье раскрывается специфика тактических приемов борьбы за власть и влияние. Автор детально разбирает весь набор средств, использованных норвежскими элитами в борьбе за социально-политическое господство в стране. Методы противостояния детально систематизированы и классифицированы. Анализируется их эффективность, объем затраченных сил и ресурсов, а так же устанавливается связь между приемами, ведущими к усилению власти, и этапами формирования раннефеодальной государственности в Норвегии.

Ключевые слова: эпоха Гражданских войн; конунг; хёвдинг; эпоха Викингов; тинг; лагман.

Abstract. The article examines the specificity of tactical methods of struggle for power and influence. The author gives a detailed description of the whole set of means used by Norwegian elites in their struggle for sociopolitical domination in the country. Methods of opposition are systematized and classified in details. Their efficiency, volume of the forces and resources spent are analyzed in the article. Besides, the author defines the connection between the methods of struggle leading to the amplification of authority and the stages of early feudal of statehood formation in Norway.

Key words: Civil wars Age; konung; haupting; Viking Age; ting; lagman.

Время острого социально-политического кризиса, получившего у современников название «Эпохи Гражданских войн», уже длительное время исследуется историками. Их стараниями вопросы экономики, права, изменения общественных отношений начали получать свое рассмотрение [1; 2; 3; 6; 7]. При этом сама политическая борьба долгое время остается в стороне от интересов большинства авторов, довольствующихся в лучшем случае кратким описанием хода действий и подведением итогов [5; 8; 9]. Стоит отметить, что при таком подходе мы лишаемся возможности многое прояснить. Дело в том, что специфика ведения борьбы, методы и тактика, используемые воюющими сторонами, нередко позволяют пролить свет на многие реалии того времени, ускользающие из сухих текстов правовых документов, обогатить наши знания. При таком подходе число работ совсем невелико [4; 15], и ощущается их острая нехватка.

© Лукьянов К.А., 2013.

Противостояние между воюющими сторонами в междоусобных конфликтах XII-XIII вв принимало различные формы. Наименьшие изменения претерпели прямые методы воздействия на окружающих, производимые вождями с целью установления своего господства. Открытые боевые столкновения, продолжавшие оставаться одним из центральных моментов выяснения взаимоотношений между лидерами различных сторон, были хотя и масштабным событием, но редким. Военачальники того времени старательно избегали таких моментов, стремясь атаковать только в случаях ожидаемого успеха. Любое очевидное превосходство противника в большинстве случаев приводило к отступлению уступающей в чем-либо стороны, а то и к повальному бегству. [13, с. 470, 475, 502, 549; 11, с. 73, 156-157]. Личный героизм многих персонажей саг постоянно контрастировал с массовым дезертирством и обязательным бегством в случае, если войско начинало проигрывать. Более того, конунги Магнус Голоногий, Эйстейн Харальдсон, Хакон Широкоплечий, Эйстейн Девчужка и многие другие, менее могущественные вожди XII в., погибли именно потому, что их войско бежало и они не сумели его удержать. Поэтому мудрые лидеры, способные продумать последствия своих действий, старались просто избегать таких ситуаций. «Не будем сражаться с превосходящим нас войском Магнуса конунга», — настоятельно посоветовал Сверриру его сподручный, Хавард Ярлов Сын, чьим мнением поинтересовался конунг, — «потому что если нам придется уйти с наших кораблей, то иметь дело с местными жителями будет хуже, чем с язычниками. Никто из нас не сможет надеяться остаться в живых, если он попадает в руки плащевиков или жителей Вика» [11: с. 54]. И наоборот, такой фактор превосходства, как внезапность, часто служил отличным сигналом к атаке. Перед морским боем при Флорувагаре Сверрир, получив данные разведки, убедил берестеников решиться на сражение с островитянами, именно апеллируя возможностью неожиданного для врага удара. «Я думаю, что лучше на-

пасть на них, пока они еще не приготовились к встрече с нами», — обратился к своему войску конунг, — «чем позволить им стрелять в нас первыми» [11, с. 119]. Данная мысль четко отражает реалии внутренних конфликтов той эпохи, когда стремительные набеги на силы противника или на сочувствующее ему население превалировали над баталиями, где обе стороны были в курсе расположения друг друга [13, с. 518, 533-535, 547, 560, 572; 11, с. 46-47; 73, 75, 77-78, 136, 137-139, 145, 160; 12, с. 280, 284]. Стремление сохранить боевые коллективы стало доминировать над старыми принципами доблести и героизма, еще недавно свойственными большинству воюющих. Судя по ослаблению, а затем и пресечению подобной риторики в источниках XII-XIII в., она активно вытеснялась другой, христианской формой сознания.

Стоит отметить, что такая форма совсем не мешала хёвдингам различными способами подавлять уступивших их силе противников, и даже в отдельных частях страны — целые социальные группы [11, с. 83-84, 173-174, 175]. Репрессии не только возросли в своем объеме, но и начали приобретать системные черты. Стать жертвой разбоя или вымогательства, потерять все свое имущество в огне или получить телесные повреждения могли люди, не только совершившие что-то против власти, но и просто принадлежавшие к какой-либо социальной группе. Хотя в начале XII в. подавление неудобных властителем ограничивалось лишь теми, «кто был изобличен в измене» [13, с. 471], по мере развития смуты подобные методы часто начали затрагивать всех, кто не стремился выразить свою лояльность текущему правителю. Если поначалу свое имущество и жизни теряли люди [13, с. 503, 519-520, 539, 547, 554, 564, 568], завязанные на каком-либо из вождей, или, чуть позже — члены каких-либо движений [11, с. 71, с. 133-134], то к XIII в. под удар стали попадать целые города [11, с. 147-148]. Топка внутренних конфликтов требовала все больше и больше топлива, и разбой, будучи побочной частью борьбы, к середине XII в. стал не только отдельной формой подавле-

ния противника, но и средством для существования значительной части актива социальных движений. Лишенные законных прав на кормление и выплаты, они, пользуясь силой, нередко устанавливали свои порядки [13, с. 470, 539, 564; 11, с. 17]. Так, мы знаем, что во время борьбы с ярлом Эрлингом «Сигурд ярл прошел с отборным войском по Вику, и многие подчинились ему, уступая силе, а многие откупились деньгами» [13, с. 560]. Другие, как Сигурд Слембидьякон, действовали еще решительнее. Он и его люди, придя к Эйнару, сыну Лососьего Паля, «забрали все добро, которое нашли у него, боевой корабль с двадцатью пятью скамьями для гребцов, принадлежавший Эйнару, и его четырехлетнего сына, который находился у одного из его работников» [13, с. 520]. Хотя ребенка и удалось быстро вернуть без уплаты выкупа, нет сомнений, что по хозяйству соратника Харальда Гилли был нанесен мощный удар. Вообще необходимо добавить, что борьба вождей против соратников своих врагов стала особенно популярна в это время. Часто обладая малыми силами, предводители стремились выбить, таким образом, почву из-под ног своих соперников, грабя и убивая их сторонников, в расчете на оскудение их экономической базы и, вследствие этого — ослабления одной из сторон в конфликте.

Вглядываясь в перипетии этой вражды, становится очевидным, как прямые методы противостояния все больше вытесняются косвенными. Умение владеть оружием и эффективно управлять войсками, ценимое современниками в вожде само по себе, в ситуации военных конфликтов, пусть и становилось жизненно важным, но не было достаточным способом ни для приобретения, ни для удержания власти. Для достижения успеха во власти необходимо было комбинировать военные победы с разнообразными косвенными методами подчинения своему влиянию окружающих. Установление контроля над ресурсами; формирование группы сторонников, занимавшихся управлением населения и осуществлявших контроль над ним; создание аппарата принуждения; за-

крепление условий, позволявших обеспечивать добровольно-принудительное подчинение населения власти и ее агентам; развитие оправдывающей данные процессы идеологии давали правящей части общества не менее потрясающие результаты.

Рассмотрим по порядку. Установление контроля над ресурсами позволяло хёвдингу наращивать собственную материальную базу, что в свою очередь привлекало желавших служить ему [14, с. 345]. Однако число желающих осуществить подобный контроль было куда большим, чем весь суммарный объем сборов, которые могли бы относительно без проблем быть взяты с населения. Выходом из сложившегося затруднения стал передел уже имеющейся собственности и сфер влияния на территориях, где происходило отчуждение материальных благ у народных масс. Но собирать блага было мало. Нужно было еще и отстоять их от оппонентов, желавших не только поправить свои дела, но и ослабить конкурентов [13, с. 520, 545]. Т. е. в надежде подорвать чужую экономическую базу, дабы ослабить обороноспособность, сжигали целые области и города, надолго прерывая там любую производственную деятельность [11, с. 83-84; 103-109, с. 133-134, 140, 147-148, 173-174, 175; 12, с. 295-296].

Впрочем, причинение такого вреда развитию страны мало волновало воюющие стороны, — в пылу борьбы они думали только о собственном усилении и ослаблении врага. Иначе и быть не могло, ведь все существование этих людей в условиях «Эпохи Гражданских войн» зависело от успехов их социальных движений. Задачей вождей была выживаемость, разумеется, любой ценой. Именно для этого они формировали группы поддержки и опоры, стремясь придать им институциональный характер. Для собственного спасения они не жалели средств, особенно чужих. Их труды не прошли даром: в отличие от «Эпохи Викингов», в «Эпоху Гражданских войн» воевали уже не только личности и их союзники, а целые группы населения, с общим, корпоративным интересом [11, с. 40]. Ни гибель Магнуса Эрлингсона в бою, ни

смерть Сверрира от болезни не привели к распаду возглавляемых ими социальных движений. Более того, их соратники еще больше сплотились вокруг конунговых родичей, к концу XII в. образовав объединения, крайне близкие к политическим партиям. Без приобретения контроля над ресурсами превращение группы сторонников в социальный слой служилых людей было бы сильно затруднено. А ведь именно из них формировались кадры для обслуживания уже зародившегося аппарата управления и принуждения, куда более эффективных, чем слуги конунгов и их дружинники. Поэтому, для упрочнения своего влияния вожди должны были идти на любые меры, не останавливаясь перед буквой закона, не страшась силы обычая.

Помогали в деле создания круга сподручных и традиционные методы. Первоочередным был поиск союзников, которые часто находились среди недовольных или врагов противника [13, с. 553; 11, с. 18]. Немало пользы приносили и правильно спланированные браки. Например, Сверрир, благодаря своей женитьбе на Маргрет, представительнице шведского королевского дома, не только упрочил свое положение как легитимного правителя, но и укрепил отношение со своими восточными союзниками. И наоборот, Магнус Слепой, разведясь с Кристин, представительницей королевского дома Дании, не только потерял союзника в лице Эйрика II, но и толкнул того в объятия своего врага — Харальда Гилли [13, с. 501; 10: с. 320-339]. Вклад датских вождей в дело свержения Магнуса демонстрирует нам еще один метод борьбы, ведущий свои истоки со времен «Эпохи Викингов» — помощь соседних правителей. Лидер хёвдингов юга Норвегии, ярл Эрлинг был вассалом Вальдемара I. Сверрир, имевший власть над северо-востоком страны, получал поддержку от шведских вождей. Повстанцев юга Норвегии, от плащевиков до посошников, поддерживали датские элиты [13, с. 554; 11, с. 51], берестеников — шведские [13, с. 573; 11, с. 27, с. 29-30]. Впрочем, все эти косвенные методы были частью «ручного управления», сильно зависевшего от личности лидера и тех

внешних обстоятельств, в которых он существовал. Системный характер управления был куда более прочным политическим механизмом. Так, одно из его проявлений — налоги, ставшие реальностью для норвежцев к XII в., были более стабильным источником доходов для престола, чем грабеж непокорной части населения, часто проводившийся с риском для жизни предводителей и их соратников из числа элит. Другим проявлением стала активная работа по формированию контроля над социально значимыми действиями населения и регулирование поведения масс с помощью законов. Последнее не отменяло традиционных форм давления, таких, как переманивание людей противника, например, подкупив их [13, с. 536] или взяв (угрожая взять) [11, с. 26; с. 133-134] их родичей в заложники [13, с. 527; 11, с. 47; 14, с. 114]. Однако куда удобнее для вождей была ситуация, когда народные массы подчинялись безропотнее, просто в виду сложившихся (не без усилий трона) условий. Именно для их конструирования и были брошены все силы Инглингов, а позднее и Сверрирсонов. Давление на тинги и возглавлявших их законодателей — лагманов, сотрудничество с церковью привели законодательство и общественное сознание в нужную власти форму, где вожди твердо встали над социумом. «Ландслов» Магнуса Исправителя Законов стал одним из воплощений данного процесса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. — М.: РОССПЭН, 2005. — 421 с.
2. Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье / Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. — М.: Традиция, 2009. — С. 151-368.
3. Гуревич А.Я. О некоторых особенностях норвежского феодализма / Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. — М.: Традиция, 2009. — С. 371-384.
4. Гуревич А.Я. Сверрир в саге и истории / Сага о Сверрире. Издание подготовили: М.И. Стеблин-Каменский и др. — М.: Наука, 1988. — С. 187-225.
5. Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии / Гуревич А.Я. Избранные труды.

- Крестьянство средневековой Норвегии. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. — С. 127-340.
6. Закс В.А. Правовые обычаи и представления в Северо-Западной Норвегии XII-XIII вв. / Скандинавский сборник XX. — Таллин: Ээсти Раамат, 1975. — С. 37-46.
 7. Закс В.А. «Эдда» Снорри Стурлусона и социальная действительность раннесредневековой Скандинавии / Скандинавский сборник XXV. — Таллин: «Ээсти Раамат», 1980. — С. 7-18.
 8. История Норвегии. От викингов до наших дней / Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Гренли и др. Пер. на русс. яз. — М.: Весь Мир, 2003. — 528 с.
 9. Кузнецов А.Е. История Норвегии. — М.: Андреева Т.М., 2006. — 535 с.
 10. Роскильская хроника. Пер. с лат., пред. и прим. В. В. Рыбакова // Древнейшие государства Восточной Европы — 2001 год.: Историческая память и формы ее воплощения. / Отв. Ред. Е. А. Мельникова. — Вост. лит., 2003. — С. 320-339.
 11. Сага о Сверрире / Издание подготовили: М.И. Стеблин-Каменский и др. — М.: Наука, 1988. — 277 с.
 12. Сага о Посошниках. Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисл. и общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; Стихи в пер. Ф.Б. Успенского, А.В. Циммерлинга. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 273-305.
 13. Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. — М.: Ладомир: Наука, 1995 — 685 с.
 14. Тордарсон Стурла. Сага об Исландцах / пер. с древнеисл. языка, общ., вступ. ст. и коммент. А.В. Циммерлинга; науч. ред. В.В. Рыбаков; указатели В.В. Рыбакова и А.В. Циммерлинга. — СПб.: Алетейя, 2007. — 512 с.
 15. Успенский Ф.Б. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 144 с.